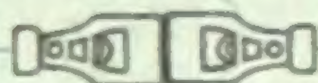
П. КРОПОТКИН.

АНАРХИЯ.

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО «ГОЛОС ТРУДА».
ПЕТЕРБУРГ.
1919 г.

П. КРОПОТКИН.

АНАРХИЯ.

Издательство «ГОЛОС ТРУДА».
ПЕТЕРБУРГ.
1919 г.

Типография «Научное Дело» Загородный пр., 74. Тел. 19-30.

В книжке «Современная Наука и Анархизм», изложивши положение занимаемое учением об Анархии в современном миросозерцании, я не стал подробно излагать Анархию, а сослался на другие свои, раньше изданные работы.

Приготовляя теперь новое французское и английское издание той же книжки, я написал недостававшие главы об Анархии, которые и выходят теперь в этой брошюре. Они вполне независимы от книги «Современная Наука и Анархизм», но представляют необходимое ее дополнение.

Из других моих работ о том же укажу на «Речи Мятежника» (Paroles d'un Révolté), и «Хлеб и Воля» (La Conquête du Pain), а также: «Анархия, ея Философия и Идеал», «Анархический Коммунизм его положения и начала» (по французски названа «Temps Nouveaux») и «Анархия, ее положение в развитии Социализма». Они пояснят то, что здесь высказано, может быть, в слишком краткой форме.

П. К.

Лондон
Апрель, 1912.

I.

Основные положения.—Идеал Анархии выражался в истории в народном творчестве.

В силу различных исторических, политических и экономических данных, а также в силу уроков новейшей истории, у анархистов сложился свой взгляд на общество, совершенно иной, чем у всех политических партий, стремящихся к захвату государственной власти в свои руки.

Мы представляем себе общество в виде организма, в котором отношения между отдельными его членами определяются, не законами—наследием исторического гнета и прошлого варварства, не какими бы то ни было властителями, избранными, или же получившими власть по наследию,—а взаимными соглашениями, свободно состоявшимися, равно как и привычками и обычаями, так же свободно признанными. Эти обычаи, однако, не должны застывать в своих формах и превращаться в нечто незыблемое, под влиянием законов или суеверий; они должны постоянно развиваться, применяясь к новым требованиям жизни, к прогрессу науки и изобретений и к развитию общественного идеала, все более разумного, все более возвышенного.

Таким образом—отсутствие властей, которые навязывали бы другим свою волю. Отсутствие владычества человека над человеком. Отсутствие неподвижности в жизни и, вместо того—постоянное движение вперед, то более скорое, то замедленное, как бывает в жизни самой природы. Таков идеал Анархии.

Каждому отдельному лицу предоставляется, таким образом, свобода действий, чтобы оно могло развить все свои естественные способности, свою *индивидуальность*, т. е. все то, что в нем может быть *своего*, особенного. Другими словами—никакого *навязывания* отдельному лицу каких бы то ни было действий под угрозой общественного наказания, или же сверхестественного возмездия: общество ничего не требует от отдельного лица, чего это лицо само не согласно, добровольно, в данное время, исполнить. Наряду с этим,—полнейшее равенство в правах для всех.

Мы представляем себе общество *равных*, не допускающих в своей среде никакого принуждения; и, несмотря на такое отсутствие принуждения, мы нисколько не боимся, чтобы в обществе равных, вредные обществу поступки отдельных его членов могли бы принять угрожающие размеры. Общество людей свободных и равных сумеет лучше защитить себя от таких поступков, чем наши современные государства, которые поручают защиту общественной нравственности полиции, сыщикам, тюрьмам—университетам преступности,—тюремщикам, палачам и судам. В особенности сумеет оно *предупредить* самую возможность противо-общественных поступков.

* * *

Ясно, что до сих пор нигде еще не существовало общества, которое на деле применяло бы эти основные положения. Но во все времена в человечестве было стрем-

ление к их осуществлению. Каждый раз, когда некоторой части человечества удавалось, хоть на время, свергнуть угнетавшую его власть, или же уничтожить укоренившиеся неравенства (рабство, крепостное право, своевластие, владычество известных каст или классов); всякий раз, когда новый луч свободы и равенства проникал в общество, всегда народ, всегда угнетенные старались, хотя бы отчасти, провести в жизнь эти самые основные положения.

Поэтому мы вправе сказать, чтс Анархия представляет собой известный общественный идеал, существенно отличающийся от всего того, что до сих пор восхвалялось большинством философов, ученых и политиков, которые все хотели управлять людьми и давать им законы. Идеалом господствующих классов Анархия никогда не была. Но за то она часто являлась более или менее сознанным идеалом масс.

* * *

Ошибочно было бы однако сказать, что анархический идеал общества представляет собою *утопию.* Всякий идеал представляет стремление к тому, что еще не *осуществлено,* тогда как слову «утопия» в обыденной речи придается значение чего-то *неосуществимого.* В сущности, слово «утопия» должно было бы применяться только к таким представлениям об обществе, которые основаны лишь на том, что писателю представляется *теоретически желательным,* и никогда — к представлениям основанным на *наблюдении того, что уже совершается в обществе.* Таким образом в число утопий должны быть включены: Республика Платона, Всемирная Церковь, о которой мечтали папы, Наполеоновская Империя, мечтания Бисмарка, Мессианизм поэтов, ожидающих появления спасителя, который возвестит миру великие идеи обновления, и т. д. Но совершенно ошибочно применять слово

«утопия к предвидениям, которые, подобно Анархии, основаны *на изучении направлений, уже обозначающихся в обществе, в его теперешнем, постепенном развитии.* Здесь мы выходим из области утопических мечтаний и вступаем в область положительного знания.

В данном случае, тем более ошибочно говорить об утопии, что отмеченные нами стремления играли уже не раз чрезвычайно важную роль в истории человечества. В действительности *они послужили основанием для так называемого Обычного Права—Права, господствовавшего в Европе среди миллионов людей, с пятого по шестнадцатое столетие.* Эти стремления стали теперь вновь проявляться в образованных обществах, после того, как в течении трех столетий Европа производила у себя опыты с государственною формою общежития. И на этом наблюдении, верность которого не ускользнет от внимания всякого, кто изучал историю цивилизации, основывается наша уверенность в том, что Анархия представляет собою идеал возможный, осуществимый.

* * *

Нам, конечно, говорят, что от идеала далеко до его осуществления. Несомненно так. Но не мешает помнить, что в конце 18-го столетия—в то самое время, когда созидались Соединенные Штаты Северной Америки, среди очень умных людей в Европе желание создать известной величины общество с республиканским строем правления считалось бессмыслицей: республика, говорили тогда, может существовать только маленькая, как Швейцария или Штаты Голландии. А между тем республики Северной и Южной Америки, а затем и Франция, доказали, что утописты были не со стороны республиканцев, а со стороны монархистов.

«Утопистами» были всегда те, кто в силу своих личных желаний, не хотел принимать во внимание *новые, уже намечавшиеся стремления;* те, кто приписывал слишком большую устойчивость тому, что уже стало достоянием прошлого, не замечая, что это прошлое было последствием преходящих исторических условий.

* * *

Изучая же происхождение анархизма, мы всегда наталкиваемся на два главных его источника: с одной стороны критика государственных, иерархических организаций и представлений о власти вообще, а с другой стороны—разбор тех направлений, которые постоянно намечались и намечаются в поступательном движении человечества.

С самых отдаленных времен каменного века люди должны были видеть, какие происходят плачевные последтвия, как только они позволяют завладеть властью кому-нибудь из своей среды, хотя бы то был самый умный, самый храбрый, самый мудрый из них. Вот почему наши предки, уже в самые отдаленные времена, старались выработать такие учреждения, которые мешали бы отдельным лицам захватывать власть. Их племена, их роды, а в более поздний период—деревенская община, средневековые цехи (цехи доброго соседства, цехи ремесл и искусств, купцов, охотников и т. п.) и, наконец, вольные города или «народоправства» (как их совершенно верно называет Костомаров) с двенадцатого по шестнадцатый век,—все это были учреждения, возникшие среди *народа*. Они установлены были не предводителями и не вожаками, а самим народом, чтобы противодействовать захвату власти иноземными завоевателями, или отдельными членами своего же рода, племени, или города.

То-же направление народной мысли проявилось в религиозных движениях народных масс, во всей Европе, во время движения Гусситов в Богемии и Анабаптистов в западной части Европы. Эти движения, носившие в себе зачатки анархической противу-государственной мысли, послужили, как известно, предтечами, подготовлением Реформации и крестьянских восстаний шестнадцатого века.

Гораздо позже, в 1793—1794 годах, во Франции, мы снова видим проявление такого-же *народного* творчества и такой же независимо-народный образ действий в удивительно плодотворной деятельности «секций», т. е. «отделов» города Парижа и других больших городов, равно как и целого ряда маленьких общин во время Великой Революции (См. подробно об этом в моей книге о Французской Революции).

И, наконец, еще позже мы встречаем тот же дух в рабочих союзах, образовавшихся в Англии и Франции, как только стала развиваться в этих странах современная промышленность, причем эти союзы слагались и действовали, несмотря на драконовские законы, направленные против них. И здесь мы снова наталкиваемся на тот же народный дух, который старается защитить себя—на этот раз от насилия капиталистов и их пособников—Церкви и Государства.

II.

Понятия анархизма у древних; в средние века; — в конце 18-го и в средине 19-го века:
Годвин. — Прудон. — Штирнер.

Народные движения — плод народного творчества — не могли не отразиться в литературе. Действительно мы встречаем анархические мысли уже у древних философов, а именно у Лао-Тзе в Китае и у некоторых древнейших греческих философов, каковы Аристипп и циники, а также у Зенона и некоторых стоиков.

Впрочем, так как анархическая мысль рождалась главным образом среди масс, а не среди немногочисленной аристократии ученых, и эти последние мало сочувствовали народным движениям, то мыслители обыкновенно и не старались выяснить ту глубокую мысль, которой всегда вдохновлялись народные движения. Во все времена философы и ученые предпочитали покровительствовать государственному направлению мысли и духу иерархической, лестничной подчиненности. Еще в те времена, когда только занималась заря науки, их любимым предметом изучения было искусство управления людьми, а потому, нечего удивляться, что так редки были философы с анархическим направлением мысли.

Однако одним из таковых был греческий стоик Зенон. Он проповедывал свободную общину, без правительства, и противопоставлял ее правительственной утопии,—*Республике* Платона. Зенон уже указывал на инстинкт общественности в человеке, который, по его словам, природа развила, как противовес инстинкту самосохранения. Он предвидел то время, когда люди соединятся, не взирая на границы, и составят «Космос», Вселенную,—не нуждаясь больше ни в законах, ни в судах, ни в храмах, ни в деньгах, чтобы обмениваться взаимными услугами. Даже его выражения, повидимому, поразительно сходны с выражениями, употребляемыми теперь анархистами [1]).

Епископ Альбский, Марк Джироламо Вида, исповедывал подобные же взгляды против государства, против его законов и его «высшей несправедливости» [2]). Те же мысли мы встречаем также у Гусситов (особенно у Хоецкого, в пятнадцатом столетии), и у первых Анабаптистов, также как и у их предшественников девятого века,— армянских рационалистов.

Раблэ, в первой половине шестнадцатого века, Фенелон к концу того же столетия и, главным образом, энциклопедист Дидро, во второй половине восемнадцатого века, развивали те же мысли, которые, как мы уже сказали, начали применяться до некоторой степени в независимой деятельности «Отделов» и Коммун (общин) во время Великой Французской Революции.

Но первым изложил политические и экономические

---

[1]) См. о Зеноне в труде профессора Адлера о Социализме. По истории анархии, см. мою статьн „Анархия“ в Британской Энциклопедии, одиннадцатое издание.

[2]) Dr. R Nys, Researches in the History of Economics. (Изследование по истории Политической Экономии).

положения Анархизма англичанин Уильям Годвин, в 1793 г. в своем *Исследовании относительно Политической Правды и ее влияния на общую нравственность и счастье.* Он не употреблял слова *Анархия*, но очень хорошо излагал ее основные положения, нападая на законы, доказывая ненужность Государства и говоря, что только с уничтожением судов будет достигнуто настоящее правосудие,— единственное настоящее основание всякого общества. Что касается собственности, то он прямо требовал коммунизма [1]).

Прудон первый употребил слово «Анархия» в смысле общественного строя без правительства и первый подверг строгой критике тщетные усилия людей дать себе правительство, которое мешало бы богатым угнетать бедных и вместе е тем оставалось бы под учетом управляемых. Тщетные попытки, делавшиеся во Франции, начиная с 1793-го года, чтобы дать себе конституцию, которая отвечала бы этой двойственной цели, и неудача революции 1848 го года доставили ему, конечно, богатый материал для такой критики.

* * *

Прудон был врагом всяких форм государственного социализма; коммунисты же того времени (тридцатые и сороковые годы девятнадцатого века) являлись одною из разновидностей государственного социализма; а потому Прудон безпощадно разбирал и отрицал все планы по-

---

[1]) Это место находится в первом издании 1793-го года в двух томах in 4-о. Во втором издании, сделанном в 1796 году в двух томах, in 8-о, после тех преследований, которые английское правительство направило против друзей и политических союзников Годвина, он выкинул из своей книги то, что писал в первом издании против Государства и против правительства

добной революции. Принимая за основание «марки труда» [1]), предложенные Робертом Оуэном, он развивал, вместо того, понятие о Взаимности (Мютюализме), которое сделало бы излишним всякое политическое правительство.

Так как, говорил Прудон, *меновая ценность всех товаров может быть измеряема только количеством труда, необходимою в данное время в обществе для производства каждого товара*, то весь обмен товаров в обществе может производиться при посредстве Национального Банка, который принимал бы в уплату за товары «марки труда». Clearing House, т. е особая Счетная Контора, как это теперь делается банками, определял бы каждый день разницу между приходом и следуемыми платежами всех отделений Национального Банка [2]).

Услуги, которыми таким образом обменивались бы различные лица, были бы равно-значущими. т. е. представляли бы одинаковые *ценности*. Кроме того, Национальный Банк был бы в состоянии давать взаймы производителям, об'единенным в производительные союзы, суммы необходимые для их производства,—но не деньгами,

[1]) Марки труда—по английски labour cheques, по французски bons du travail — это чеки или ассигнации. обозначающие один. два. три, десять и т. д. часов труда (с их подразделением на минуты). которые выдавались бы рабочему в уплату за его труд. Банк мог бы принимать их совершенно также. как теперь принимаются чеки. или денежные знаки (звонкая монета или ассигнации).

[2]) В Англии, и вообще в странах с развитою торговлею, уплаты производятся чеками, в частной жизни. как и в торговле. Вместо того. чтобы платить деньгами. платят чеком на свой банк. Банки же и их отделения пересылают каждый день список всех полученных за день чеков на разные другие банки. и Clearing House подводит ежедневно баланс задолженности каждого банка. вместо того. чтобы пересылать друг другу чеки и по каждому чеку получать платежи.

а марками труда. В результате, по этим займам не приходилось бы платить процентов, так как вместо частного капиталиста заимодателем являлась бы нация,—весь народ, оказывающий друг-другу кредит при посредстве Национального Банка. А чтобы покрыть издержки по управлению Банком, достаточно было бы платить *один* процент в год с одолженной суммы, или даже меньше пол-процента.

При таких условиях *безпроцентных займов*, Капитал потерял бы свой вредный характер: он перестал бы быть средством эксплуатации.

Прудон подробно развил свою систему взаимности, доказывая фактами свои мысли о ненужности и вреде государства и правительства. Но, надо заметить, что экономическая часть его программы была еще раньше, в 1829 году, развита в Англии Уильямом Томсоном, очень известным экономистом, который проповедывал взаимность раньше, чем сделался коммунистом. Ту-же мысль развивали потом английские продолжатели Томсона—Джон Грэй (John Gray, 1825—1831) и I. Т. Брэй (J. T. Bray, 1839).

* * *

В Соединенных Штатах то же направление было представлено Джошуа Уорреном (Joshua Warren), который, бывши сначала членом колонии Оуена, «Новая Гармония», сделался противником коммунизма и основал в 1827 году в Цинциннати «Склад», где продукты обменивались на основании часов работы, оплаченных «чеками труда» (трудовыми марками). Подобные учреждения существовали еще в 1865 году, под названием *Справедливых Складов, Справедливых Домов и Справедливых Деревень* [1].

---

[1] Equity Stores, Equity Villages and Equity Houses. Английское слово Equity содержит кроме понятия «справедливости» также и понятие „равенство“

Ту-же мысль об обмене произведенных полезностей, измеряя ценность каждой из них количеством труда, потребного для ея производства, проповедывали в Германии, в 1843—1845 году, Моисей Гесс и Карл Грюн, а в Швейцарии—Вильгельм Марр. Они, таким образом, боролись против учения о государственном коммунизме, которое проповедывал Вейтлинг, в своих тайных кружках,—очевидно являвшихся преемниками французских последователей Бабефа (бабувистов).

С другой стороны, в Германии, в противовес начальственному коммунизму Вейтлинга, находившему довольно многочисленных сторонников среди рабочих, один немецкий гегелианец, Макс Штирнер (его настоящее имя было Иоанн Каспар Шмидт), опубликовал в 1845 году свою работу «Единственный и его достояние» которая несколько лет тому назад была, так сказать, вновь открыта Макаем (Mackay) и произвела большой шум в наших анархических кругах, где некоторые смотрели на нее, как на своего рода манифест анархистов-индивидуалистов.

Работа Штирнера представляет собой возмущение против Государства и новой тирании, которая установилась бы, если бы государственному коммунизму удалось восторжествовать. Рассуждая как истый метафизик-гегельянец, Штирнер проповедывал возрождение человеческого «Я» и «Главенство» отдельной личности. Таким образом он приходил к проповеди «а-морали», т. е. отсутствия нравственности и «Сообщества эгоистов».

Ясно, однако, как на это уже указывали писатели анархисты и еще недавно французский профессор В. Баш (Basch) в своем интересном труде, „*Анархистский индивидуализм. Макс Штирнер* (Париж 1904 г.), что этот род индивидуализма, требуя «полного развития»—не для

всех членов общества, но только для тех, которые будут признаны самыми способными, не заботясь о развитии *всех*, — является скрытым возвратом к существующей теперь монополии досуга, обеспеченности и образования в пользу небольшого количества людей, под покровительством Государства. Это ничто иное, как «право на полное развитие» для привилегированного меньшинства, — т. е. право, которое только и может существовать при условии обеспечения этого права Государством.

Действительно, допустивши даже, что подобная монополия желательна, — что было бы совершенно нелепо — она не могла бы существовать без покровительства подобающего законодательства, без власти, организованной в государстве. Таким образом требования индивидуалистов в роде Штирнера обязательно приводят их обратно к идее Государства и власти, которую они сами так хорошо критикуют. Их положение — подобно положению Спенсера, или школы буржуазных экономистов, известной под именем манчестерской, которые также начинают с суровой критики Государства, но кончают признанием его отправлений, для поддержания монополии собственности, которой лучшим покровителем всегда было Государство. Без Государства, монополия личной собственности и всяких «Я», воображающих себя «сверх-человеками», — невозможна.

III.

Социалистическая мысль в Интернационале — Государственные Коммунисты и последователи „Взаимности".

Мы вкратце познакомились с развитием анархической мысли, начиная с французской революции и Годвина до Прудона. Ее дальнейшее развитие происходило в Международном Союзе Рабочих, — союзе, внушившем столько надежд рабочим и столько страха буржуазии в 1868—1870 годах, как раз перед началом франко-немецкой войны.

Что этот союз не был основан Марксом, как это любят утверждать марксисты, — это ясно. Известно, что он был следствием встречи делегации французских рабочих, приехавших в 1862 году в Лондон для осмотра второй Всемирной выставки, с представителями английских профессиональных союзов (трэд-юнионов), которые, вместе с присоединившимися к ним несколькими английскими радикалами, встречали эту делегацию. Связь, установившаяся с этого посещения, еще больше окрепла по случаю митинга сочувствия Польше в 1863 году, и в сентябре следующего, 1864-го года, на митинге в Сент-Мартинс Голле. Союз был основан окончательно. Марксу поручили составить воззвание Союза, которое было напечатано в конце года особою брошюрою, вместе с Временным Уставом Интернационала, выработанным особым комитетом.

Уже в 1830 году, в то время, когда основывался в Англии, Великий Национальный Союз всех Ремесл (The Great National Trades Union), Роберт Оуэн пытался устроить «Международный Союз всех Ремесл» Но скоро эту мысль пришлось оставить, так как английское правительство стало яростно преследовать Национальный Союз. Однако мысль Интернационала не была потеряна; она тлела в Англии, нашла сторонников во Франции, и после поражения, которое потерпела революция 1848 года, та же мысль была перенесена французскими изгнанниками в Соединенные Штаты и распространялась там французскою газетою «Интернационал»

Французские рабочие, посетившие Лондон в 1862 году, были большею частью прудонисты, т. е мютюэллисты; английские же члены рабочих союзов принадлежали, главным образом, к школе Роберта Оуэна. Английский оуэнизм таким образом соединился с французским мютюэллизмом, вне влияния политической буржуазии, и следствием этого союза было основание сильной международной организации *рабочих*,—с целью вести борьбу, главным образом. на *экономической почве* и раз навсегда порвать со всякими радикальными, чисто политическими партиями.

Этот союз двух главных направлений среди рабочих-социалистов того времени нашел поддержку, в лице Маркса и других,—у тайной политической организации коммунистов; в нее входило тогда все, что еще оставалось от тайных обществ Барбеса и Бланки, которые, подобно немецким тайным коммунистическим обществам Вейтлинга, вели свое начало из заговора государственных коммунистов, организованного Бабефом в 1794—1795 годах.

* * *

В брошюре «Современная Наука и Анархизм» я уже рассказал, как 1856—1862 годы были отмечены необыкновенным под'емом естественных наук и философии. Это были также годы всеобщего политического пробуждения радикальных идей в Европе и Америке. Оба эти движения пробуждали и рабочие массы, которые начали понимать, что им самим предстоит задача подготовить народную пролетарскую революцию. После поражения политической революции 1848 года, выступила мысль о необходимости подготовления экономической революции в среде самих рабочих; и теперь Международный Союз Рабочих, громко заявлявший о своем разрыве со всеми старыми политическими партиями и о решении рабочих взять в свои руки дело своего освобождения, повсеместно произвел глубокое впечатление.

Действительно Интернационал начал быстро распространяться в латинских странах. Его боевая сила быстро достигла угрожающих размеров, тогда как конгрессы его федераций и ежегодные конгрессы всего Интернационала давали рабочим возможность, самим обсуждать,—в чем должна состоять социальная революция, и как могла бы она совершиться. Они таким образом побуждали созидательные силы рабочих масс изыскивать новые формы об'единения для производства, потребления и обмена.

В ту пору повсеместно думали, что в Европе скоро разразится великая революция; а между тем, представления, более или менее ясного, относительно *практических* форм, которые могла бы принять революция, и относительно ее первых шагов—не существовало. Напротив того, в самом Интернационале встречались и сталкивались несколько совершенно противоположных течений социализма.

Господствующей мыслью в Союзе Рабочих была мысль о прямой, непосредственной борьбе Труда против Капи-

тала на *экономической почве*,—т. е. освобождение Труда не при помощи законодательства, на которое согласилась бы буржуазия, а самими рабочими, которые силою будут вырывать уступки у капиталистов и в конце концов заставят их сдаться вполне. «Освобождение рабочих должно быть делом самих рабочих!»—гласило основное правило Интернационала; и теперь это основное начало снова возродилось в синдикалистском движении, которое тоже принимает интернациональный характер.

Но *как*, в какой форме совершится освобождение труда из под ига капиталиста? Какую новую форму могло бы принять устройство производства и обмена? По этому вопросу социалисты 1864—1870 годов были так же несогласны между собой, как и в 1848 году, когда представители различных социалистических учений встретились в Париже, в Учредительном Собрании провозглашенной в Феврале 1848 года Республики.

Подобно своим французским предшественникам 1848 года, которых стремления так хорошо изложил Консидеран в своей книге *Социализм перед лицом Старого Света*, социалисты Интернационала точно также не могли сойтись под одним общим знаменем. Они колебались в выборе между различными решениями, и ни одно из них не было, ни достаточно очевидно, чтобы об'единить умы; причем об'единение было тем более трудно, что сами социалисты еще не расстались со своим уважением к Капиталу и Государственной Власти.

Бросим же беглый взгляд на эти различные течения.

* *
*

В Интернационале встречались, во-первых, прямые наследники якобинства Великой Французской Революции,— т. е. заговора Бабефа,—в лице тайных обществ француз-

ских «коммунистов» и немецкого Коммунистического Союза, основанного Вейтлингом. И те и другие жили традициями ярого якобинства 1793 года. Известно, что в 1848 году они все еще мечтали завладеть в один прекрасный день политическою властью в государстве, посредством заговора *может быть также при помощи диктатора*,—и установить «Диктатуру пролетариата» по образцу якобинских обществ 1793 года,—но на этот раз в пользу рабочих. Эта диктатура, думали они, установит коммунизм.

Правительству, говорили они, достаточно будет провести законодательством всевозможные стеснительные законы и налоги, которые сделают существование собственников настолько затруднительным, что они сами скоро будут счастливы избавиться от собственности и передать ее государству. Тогда государство будет посылать «армии земледельцев», чтобы обрабатывать поля; промышленные заведения, устроенные по тому же полувоенному образцу, будут тоже вестись государством [1]).

Такие же взгляды были распространены среди социалистов и во время основания Интернационала, и они продолжали находить сторонников во Франции, среди бланкистов, и в Германии—у лассальянцев и у социальдемократов.

С другой стороны, английские рабочие школы Роберта Оуэна держались взглядов, прямо противоположных этим якобинским воззрениям. Они положительно отказывались

---

[1]) Интересно напомнить, что подобные же мысли, очень распространенные в то время, о государственном землепашестве при помощи «земледельческих армий», были восхваляемы в брошюрѣ „Уничтожение пролетариата", Наполеоном III-м, который был тогда претендентом на пост президента республики. Ставши императором, он не прочь был применить те-же мысли к орошению и облесению некоторых частей Франции, —именно, Солоньи.

рассчитывать на силу государства, как для совершения революции, так и в деле созидания социалистического строя. Они рассчитывали, главным образом, на деятельность об'единенных рабочих Союзов. При этом английские последователи Оуэна не стремились к государственному коммунизму. Подобно французским последователям Фурье, они придавали большое значение свободно составленным и об'единенным между собой общинам и группам, которые сообща владели бы землей и фабриками, но сами организовали бы свое производство и сдавали бы то что сработают в общественные склады для продажи.

Вообще, производители могли бы работать, как большими или малыми группами, так и в одиночку, сообразно требованиям производства. Вознаграждение же за работу в общинах и группах, также как и обмен между общинами, производились бы *марками труда*. Эти марки означали бы количество рабочих часов, проведенных в работе и общинных полях, на фабриках и в мастерских, и каждая община оплачивала бы такими марками продукты, сданные каждым производством в общинные склады.

Та же мысль вознаграждения марками труда была, как мы уже видели, принята Прудоном и мютюэллистами в их планах преобразования общества. Они также отрицали вмешательство государственной власти в обществах, которые породила бы революция. Они говорили, что социальная революция делает хозяйственную деятельность государства ненужной, так как весь обмен может производиться Национальными Банками; а воспитание, санитарные мероприятия, пути сообщения, промышленные предприятия и т. д.. были бы в руках независимых общин.

Наконец, та-же мысль о марках труда, заменяющих деньги при обмене, но уже *в Государстве, ставшем соб-*

ственником всех земель, копей, железных дорог, заводов, проводилась в 1848 году двумя замечательными писателями, Пеккером и Видалем, которые называли свою систему *коллективизмом.* Оба упорно замалчиваются теперь социалистами,—тем легче, что их труды, изданные в конце сороковых годов, сохранились лишь в весьма небольшом количестве экземпляров [1]). Пеккер был членом Учредительного Собрания 1848 года и написал тогда об этом предмете замечательный трактат. Он в нем подробно изложил свою систему—даже в виде законов, которые Собранию достаточно было бы, по его словам, провести, чтобы совершить социальную революцию.

Во время основания Интернационала имена Пеккера и Видаля, повидимому, были совершенно забыты, даже их современниками, но мысли их были очень распространены и скоро они стали еще более распространяться, в особенности в Германии под именами «Научного Социализма», «Марксизма» и «Коллективизма» [2]).

---

[1]) Небольшое количество кземпляров Манифеста Консидерана (на который обратил внимание Черкезов, как на источник Коммунистического Манифеста) и книг Pecqueur-а и Vidal-я, одному из наших товарищей удалось разыскать в складе—в Москве! Замечательную книгу Buret о положении рабочего класса, очень широко использованнук Энгельсом, как это тоже указал Черкезов, мне удалось достать также из Москвы; я купил в Париже экземпляр, некогда принадлежавший профессору Лешкову!

[2]) Для более подробного ознакомления со взглядами Прудона лучше всего брошюра, изданная бакунистами в Женеве в 1874 году, «Анархия по Прудону».

IV.

Социалистические воззрения в Интернационале: — Сен-Симонизм.

Наряду с только-что упомянутыми школами социализма, была также, как известно, школа Сен-Симонистов. Главной своей силы она достигала, правда, в тридцатых годах 19-го века, но и гораздо позже продолжалось ее глубокое влияние на социалистические воззрения членов Интернационала.

Многие блестящие писатели, — мыслители, политики, историки, романисты, а также промышленники, развились в тридцатых и сороковых годах под влиянием Сен-Симонизма. Достаточно назвать здесь Огюста Конта в философии, Огюстэна Тьерри между историками и Сисмонди среди экономистов. Все социальные реформаторы середины 19-го века испытали на себе влияние этой школы.

Движение человечества вперед, говорили Сен-Симонисты, до сих пор состояло в том, что рабский труд превратился в крепостной труд, а крепостной—в наемный. Но недалеко время, когда станет необходимо уничтожить и денежную зависимость труда, а с этим вместе, в свою очередь, должна будет исчезнуть и частная собственность на всё

необходимое для производства. В этом, прибавляли они, не надо видеть ничего невозможного, потому что Собственность и Власть уже претерпели не мало изменений в исторические времена. Новые изменения оказываются нужными, и они необходимо должны совершиться.

Уничтожение частной собственности, говорили Сен-Симонисты, могло бы произойти постепенно, при помощи ряда мероприятий (напомним, что Великая Французская Революция уже положила им начало). Эти мероприятия позволили бы, например, Государству, при помощи больших налогов на наследство, брать себе все большую и большую часть собственности, передаваемой одним поколением другому. Таким образом количество собственности, переходящей в частные руки, постоянно уменьшалось бы, и постепенно частная собственность совершенно-бы исчезла, потому что богатые убедились бы, что им выгодно самим отказаться от преимуществ, созданных в их пользу исчезающею цивилизациею. Тогда, добровольный отказ богатых от собственности и уничтожение наследования законодательным путем превратило бы Сен-Симонистское государство в единственного собственника земли и промышленности,—в высшего распорядителя работами, — никому не подчиненного начальника и направителя Искусств, Науки и Промышленности [1]).

Каждый член общества работал бы в одной из этих областей и был бы «чиновником» Сен-Симоновского Государства. Управление же представляло бы из себя иерархию, т. е. лестничную организацию «лучших людей»,— лучших в науках, искусствах и промышленност .

---

[1]) Виктор Консидеран, „Социализм перед лицом старого света“, Французск. изд. 1848 года, стр. 35—36

Распределение продуктов происходило бы согласно такому положению: «Каждому—сообразно его таланту, каждому таланту—сообразно его произведениям».

Кроме этих планов будущего, Сен-Симонистская школа и получившая в ней свое начало позитивная философия дали девятнадцатому веку ряд замечательнейших исторических трудов, в которых происхождение власти, частной собственности и государства рассматривались с действительно научной точки зрения. Эти работы и до сих пор сохранили все свое значение.

В то-же время Сен-Симонисты подвергли строгому разбору политическую экономию так-называемой классической школы, т. е. школы Адама Смита и Рикардо, которая позже стала известна под именем «Манчестерской Школы» и проповедывала так-называемое «невмешательство Государства».

Но, борясь против принципа промышленного индивидуализма и конкурренции, Сен-Симонисты впадали в ту же ошибку, которую они сами так прекрасно разобрали, когда выступили против военного государства и его иерархических ступеней. Они кончали признанием всемогущества Государства, и основывали свой порядок—как это уже заметил Консидеран—на *неравенстве и власти:* на правительственной иерархии, которой они даже хотели придать духовный характер.

Таким образом, Сен-Симонисты сороковых годов, признавая верховную власть Государства так-же, как признавали ее якобинские коммунисты, отличались от них только той долей личного участия, которую они предоставляли производителю в общем производстве товаров. Несмотря на прекрасные работы по политической экономии, сделанные многими из них, они еще не дошли до

представления, что богатства производятся *обществом*, всеми вместе, а не отдельными лицами. Иначе они поняли бы, что нет возможности справедливо определить, какая часть из общего количества произведенных богатств должна быть предоставлена каждому отдельному производителю.

По этому пункту существовало глубокое разногласие между коммунистами и Сен-Симонистами; но за то они вполне сходились в том, что ни те, ни другие не придавали значение отдельной личности, ее правам и желаниям. Все, что предоставляли ей коммунисты, ограничивалось правом избрания своих чиновников и правителей, Сен-Симонисты тоже признали это право после 1848 года. Раньше же они не признавали даже права выборов. Но для коммунистов, как и для Сен-Симонистов, равно как и для современных нам коллективистов, всякое отдельное лицо есть только чиновник государства.

* * *

В лице Кабэ, написавшего «Путешествие в Икарию», и основавшего коммунистические колонии в Америке, якобинский коммунизм и подавление личности нашли полнейшее выражение.

Дѣйствительно, в «Путешествии» Кабэ мы везде встречаем власть, государство,—вплоть до кухни в каждом хозяйстве. Не довольствуясь составлением поваренного руководства, которое будет получать каждая семья, Икарийская Республика утверждает список одобренных с‘естных продуктов, заставляет своих земледельцев и рабочих производить их и раздает их своим подданным. «А так как,—писал Кабэ—никто не может иметь других с‘естных припасов, кроме раздаваемых республикою, то ты понимаешь, что никто не может есть ничего, что не

было бы одобрено ею» («Путешествие в Икарию», 5-ое французское издание, 1848-го года, стр. 52).

Заботливость правительства доходит до того, что комитет определяет, сколько раз в день должно есть, в какое время, и как долго, назначает количество кушаний, их состав и порядок, в котором они должны подаваться. Что-же касается одежды, то она заказывается Комитетом по определенным образцам, причем каждый носит форму, соответствующую его общественному положению. Рабочие, всегда делающие одну и ту-же вещь, составляют полк,— «до такой степени господствуют порядок и дисциплина!» —восклицает с восторгом Кабэ.

Нечего и говорить, что никто ничего не может печатать, не получив на это разрешение республики, и то только после сдачи соответствующего экзамена и полученного по всем правилам разрешения быть писателем.

Сомнительно, чтобы утопия Кабэ, вся, *в целом*, имела многочисленных сторонников в Интернационале; *но дух* ее оставался. Положительно верно,—и мы сами очень хорошо это чувствовали во время споров, которые вели с государственниками, в особенности с немецкими коммунистами—что даже строгий регламент, о котором мы только что упоминали и который нам теперь кажется таким бессмысленным, был тогда принимаем (в семидесятые годы, особенно немцами) за выражение глубокой мудрости. На наши возражения нам отвечали словами Кабэ:

«Конечно, коммуна непременным образом связывает и лишает свободы действий, но это—потому, что ее главная обязанность дать богатство и счастье. Чтобы избегать двойной затраты труда и напрасных убытков, чтобы достигнуть возможно большей производительности в земледелии и в промышленности при возможно меньшей затрате

труда, необходимо, чтобы *Общество все имело в своих руках, все бы направляло и всем бы распоряжалось; надо, чтобы оно подчиняло своим правилам, своим порядкам, своей дисциплине все воли, все действия*». Добрый гражданин должен даже «удерживаться от всего, что не предписано». («Путешествие в Икарию», 5-ое французское издание, стр. 103).

Хуже всего то, что у государственников оставалось еще убеждение, что в конце концов, как сказал Кабэ, «коммунизм также возможен при монархе, как при президенте республики». Эта-та мысль и уготовила путь для государственного переворота Наполеона III, и затем, много позже, позволяла социалистам-государственникам отнестись так легко к буржуазной реакции.

* * *

Наконец мы должны также упомянуть о школе Луи Блана, которая во время основания Интернационала имела многочисленных сторонников во Франции и Германии, где она была представлена сплоченною массою лассальянцев. Эти социалисты, такие-же сторонники государства, как и предыдущие, считали, что переход промышленной собственности из рук Капитала в руки Труда может произойти, если правительство, порожденное революцией и вдохновляемое социалистическими воззрениями, поможет рабочим устроить обширные рабочие производительные кооперативы которым правительство-же даст взаймы необходимые средства.

Эти кооперативы были бы соединены в обширную систему национального производства. Как временная мера, могло бы быть принято денежное вознаграждение, равное для всех; но конечною целью было бы распределение продуктов согласно потребностям каждого производителя.

В сущности, социализм Луи Блана был, как говорит Консидеран, «коммунистический Сен-Симонизм», управляемый демократическим Государством.

Опираясь на обширную систему национального кредита, поддерживаемые государственными заказами, эти кооперативы, получая деньги по очень низкому проценту, были бы в состоянии конкуррировать с капиталистическою промышленностью. Они скоро вытеснили бы капиталистов из производства, и сами стали бы на их место.

Они также могли бы развиться и в земледелии.

Что-же касается до рабочих, то они никогда не должны были бы терять из виду этого экономического, социалистического идеала и не должны были бы увлекаться просто демократическим идеалом буржуазных политиков.

* * *

Все эти воззрения, выработавшиеся под влиянием социалистической пропаганды, в сороковые года, равно как под влиянием февральского и июньского восстаний 1848 года, были, с различными изменениями в подробностях, широко распространены в Международном Союзе Рабочих. Различие в воззрениях были большие; но, как мы уже видели, сторонники всех этих школ сходились в одном: все они признавали, что в основании будущей революции должно будет лежать *сильное правительство*, которое будет держать в своих руках хозяйственную жизнь страны. Все они признавали централизованное и иерархическое устройство государства.

К счастью, наряду с этими якобинскими воззрениями, в противовес им, существовало также и учение фурьеристов, к разбору которого мы теперь перейдем.

V.

Социалистичекие воззрения в Интернационале:— Фурьеризм.

Фурье, современник Великой Революции, уже не был в живых, когда основывался Интернационал. Но его мысли были так широко распространены его последователями,— в особенности Консидераном, который придал им известный научный характер,—что сознательно или бессознательно, самые образованные члены Интернационала находились под влиянием фурьеризма [1]).

---

[1]) Из работы нашего друга Черкезова известно, что экономические положения, изложенные Марксом и Энгельсом в „Коммунистическом Манифесте", были ими взяты из манифеста Консидерана, который носил название „Принципы Социализма: Манифест Демократии XIX века" и был издан в 1843 году. Действительно, достаточно прочесть оба манифеста, чтобы убедиться, что не только экономические взгляды „Коммунистического Манифеста", но даже и форма были заимствованы Марксом и Энгельсом у Консидерана. Что же касается программы действия в „Коммунистическом Манифесте", то, как это показал профессор Андлер, образцом для нее послужила программа тайных, коммунистических обществ, французских и немецких, которые продолжали дело тайных обществ Бабефа и Буонароти. Изучение книги Консидерана, „Социализм перед лицом Старого Света" (Le Socialisme devant le vieux monde) нельзя не порекомендовать серьезному вниманию современных социалистов.

Чтобы понять влияние фурьеризма в те годы, надо заметить, что господствующею мыслью Фурье не было об'единение Капитала, Труда и Таланта для производства богатств, как это обыкновенно утверждается в книгах по истории социализма. Его главной целью было *положить конец частной торговле*, которая ведется в целях *наживы* и необходимо приводит к крупным, недобросовестным спекуляциям. Чтобы достигнуть этого, он предлагал создать *свободную национальную организацию для обмена всяких продуктов*. Таким образом, Фурье вновь поднял мысль, которую уже пыталась осуществить Великая Революция в 1793—1794 годах, после того, как парижский народ изгнал жирондистов из Конвента, и Конвент принял *закон о максимуме цен* на предметы первой необходимости.

Как говорил Консидеран в своей книге, «Социализм перед лицом старого света», Фурье видел средство для прекращения всех безобразий современной эксплуатации «*в установлении непосредственных сношений между производителем и потребителем*,—в устройстве *общинных* посреднических агентур, являющихся складами, но не владельцами продуктов, которые они получают непосредственно с места их производства и передают непосредственно потребителям».

В таких условиях цена товаров перестала бы служить предметом спекуляции. Она могла бы повышаться только на то, во что обойдутся «издержки по перевозке, хранению и управлению, тяжесть которых почти не чувствительна» (Консидеран, стр. 39).

Уже ребенком, Фурье, помещенный родителями в торговое заведение, принес клятву ненависти к торговле, которой худые стороны он близко узнал из собственного

опыта. И с тех пор он дал себе слово бороться против нее. Позже, во время Великой Революции, он был свидетелем ужасающих спекуляций—сперва при продаже и покупке национальных имений, отобранных у Церкви и дворян, а потом—в невероятном повышении цен на все продукты во время войн Революции против европейских монархий. Он также знал из опыта, что ни якобинский Конвент, ни террор с его беспощадной гильотиной не в силах были прекратить эти спекуляции. Тогда он понял, что отсутсвие национальной, *общественной организации обмена*, по крайней мере для предметов *необходимых* для жизни, могло сделать недействительными для народа все благодетельные последствия экономической революции, произведенной отобранием земель у духовенства и дворянства в пользу демократии. Тогда же он должен был увидать необходимость *национализации торговли* и оценить попытку, сделанную в этом направлении народом, «санкюлотами» в 1793 и 1794 году. Он сделался ее апостолом [1]).

---

[1]). Мы этого не знали в Интернационале, но теперь известно, что житель Лиона, Л'Анж, пораженный нищетою, царившею в Лионе во время Великой Революции, издал тогда-же план „Добровольного Союза" (Association volontaire), который должен был охватить всю Францию. Этот Союз должен был иметь 30,000 хлебных магазинов (по одному в каждой общине) и таким образом положить конец *частной собственности на предметы первой необходимости и частной торговле ими.* См. разбор брошюр Л'Анжа, сделанный уже Мишле в его прекрасной Истории французской революции, а потом Жоресом в „Histoire Socialiste" и недавно еще Бурженом в его книге „Фурье" (Henri Bourgin, „Fourier" Париж, 1905). Не план-ли Л'Анжа вдохновил Фурье, который уже думал в этом направлении? Мы этого не знаем. Но с чем Фурье несомненно был знаком,—это с планом революционных сан-кюлотов 1793- 1794 года, которые хотели *национализации торговли.* Этот план должен был вдохновить его. Как это говорит Мишле в одной из своих

Свободная *община* — хранительница продуктов, произведенных ее членами, даст, по его мнению, разрешение великой задачи устройства Обмена и Распределения предметов первой необходимости. Но община не должна быть собственницей складочных магазинов, подобных нашим деревенским хлебным магазинам, или даже современным кооперативам. Она должна быть только *хранительницей*, агентством, куда продукты сдаются для их распределения, без всякого права взимать подать с потребителей, и без права спекуляции на изменениях цен.

Мысль Фурье разрешить социальную задачу, организуя потребление и обмен на общественном начале, уже делает из него одного из самых глубоких социалистических мыслителей.

Но он не остановился на этом. Он, кроме того, предположил, что все члены земледельческой или промышленной, или, вернее сказать, смешанной земледельческо-промышленной общины, составят *фалангу*. Они соединят в одно свои земли, рабочий скот, инструменты и машины, и будут обрабатывать земли, или работать на фабриках, считая что земли, машины, фабрики и т. д. принадлежат им всем сообща,—но ведя при этом строгий счет, насколько каждое отдельное лицо увеличило общий капитал.

Два главных правила, говорил он, должны быть соблюдаемы в фаланге. Во-первых, не должно быть *неприятных работ*. Всякая работа должна быть так оборудована, так распределена и настолько разнообразна, чтобы *всегда быть привлекательной*. Во-вторых, в обществе, устроенном на основаниях свободного сотрудничества, не должно быть

рукописных заметок, упоминаемых Жоресом „Кто сделал Фурье?— Ни Анж, ни Бабеф: Лион был истинным предшественником Фурье“. Теперь мы можем сказать: „Лион и Революция 1793—1794 года“.

допущено *никакою принуждения*, да и не будет причин, делающих нужным принуждение.

При наличности сколько-нибудь внимательного, вдумчивого отношения к личным нуждам каждого члена фаланги и при некоторой снисходительности к особенностям различных характеров, а также соединяя труд земледельческий, промышленный, умственный и художественный, — члены фаланги скоро убедятся, что даже людские страсти, которые, при современном устройстве, являются часто злом и опасностью,—что в свою очередь всегда приводится в оправдание применения силы—*могут быть источником дальнейшего развития прогресса.* Достаточно ближе узнать сущность этих страстей и найти им применение. Новые предприятия, опасные приключения, общественное возбуждение, жажда перемены и т. д.—дадут этим страстям необходимый выход. Действительно, всякий знает, насколько страсть к азарту и непривычка к регулярному труду, бывают причинами воровства, грабежа и других поступков, наказываемых теперь уголовным законом. В разумно устроенном обществе, самые эти страсти нашли бы себе лучший исход.

Правда, что Фурье платил еще дань государственным идеям. Таким образом он признавал, что для того, чтобы сделать опыт с его Сообществом, чтобы испытать сперва „простую гармонию", которая будет предтечей „настоящей гармонии, представитель верховной власти мог бы сослужить службу".—«Можно было бы, например, предоставить главе Франции честь вывести род человеческий из социального хаоса, ставши основателем гармонии и освободителем земного шара», говорил он в своем первом сочинении; и ту-же мысль он повторил позже, в 1808 году, в своей «Теории Четырех Движений». Впоследствии он даже об-

ращался с этой целью к королю Людовику-Филиппу (Ш. Пелларэн, „Фурье, его жизнь и его учение", 4-ое французское издание, стр. 114). Но все это относилось только к первому подготовительному опыту.

Что же касается того общества, которое он называл «настоящею гармониею», или всемирною гармониею—то в ней он не давал места никакому правительству. Эта гармония, говорил он, не может быть вводима «по частям». Превращение должно произойти одновременно в общественных, политических, хозяйственных и нравственных отношениях людей. Когда Фурье начинал разбирать идею Государства, он был так же беспощаден в своей критике, как и мы теперь.—«Политический беспорядок», говорил он, «является одновременно и следствием, и выражением хозяйственного (социального) беспорядка. Неравенство становится крайнею несправедливостью. Государство, во имя которого действует власть, *по происхождению и по основным своим началам является несомненно слугою привиллегированных классов и их защитником против остального населения*». И так далее [1]).

Вообще в Гармоническом обществе Фурье, которое будет создано полным проведением в жизнь его мыслей, нет места принуждению [2]).

* * *

---

[1]) Я выписываю эти слова из книги Бурженa (Bourgin) который употребляет подлинные выражения Фурье.

[2]) Даже в тех случаях, когда Фурье делает исключения, или когда он с поразительной непоследовательностью говорит об „отличиях" или „достижимых степенях", введенных для возбуждения рвения к работе, или же о подчинении законам и правилам „во время опытов, имеющих целью испытание его теории" (Пелларэн, стр. 229), руководящею мыслью в его системе остается полнейшая свобода отдельной личности в гармоническом обществе будущего.

Фурье писал непосредственно после поражения Великой Революции и потому неизбежно склонялся к мирным разрешениям социального вопроса. Он настаивал на необходимости признания в принципе *совместной деятельности Капитала, Труда и Таланта.* Вследствие этого, ценность каждого продукта, произведенного фалангой, должна была быть разделена на три части, из которых одна часть (половина, или семь-двенадцатых всей суммы) служила бы вознаграждением Труда, вторая часть (три-двенадцатых) поступала-бы в пользу Капитала, а третья часть (две или три двенадцатых)—в пользу Таланта.

* * *

Однако большинство приверженцев Фурье в Интернационале не придавало большого значения этой части его системы. Они понимали, что тут сказывалось влияние того времени, когда он писал. И наоборот, они особенно помнили следующие основные положения учения Фурье:

1) Свободная Община, т. е. *небольшое* земельное пространство, вполне независимое, делается основанием, единицей в новом социальном обществе.

2) Община является хранительницей всех продуктов произведенных внутри ее, и посредницей при всякого рода обмене с другими общинами. Она также представляет собой союз потребителей, и весьма возможно, что в большинстве случаев она будет также *единицей производства*, которою, впрочем, может быть и профессиональная груп-

---

„Свобода, говорил он, состоит в возможности делать то, чего требуют наши стремления"... Если существуют люди, которые воображают, что могут подчинить человеческую природу требованиям современного общества, и изучают эту природу в виду такой цѣли, то мы не принадлежим к их числу", говорил ученик Фурье, Пелларэн (стр. 222).

пировка (т. е. рабочий союз), или же союз нескольких производительных артелей.

3) Общины свободно об'единяются между собой, чтобы составить Федерацию, Область, Народ.

4) Труд должен быть сделан привлекательным. Без этого он всегда ведет к рабству. *И раньше, чем это не будет сделано невозможно никакое решение социального вопроса. Достигнуть же этого вполне возможно* (две глубокие истины, слишком легко забываемые теперь). Труд должен и может быть гораздо производительнее, чем теперь.

5) Для поддержания порядка в подобного рода общинах не требуется никакого принуждения: вполне достаточно влияния общественного мнения.

Что касается распределения произведенных продуктов, то в Интернационале считалось, что этот вопрос будет решаться самими общинами, или производительными союзами. Одна община применит коммунистический принцип— *каждому согласно его нуждам*, а другая, может быть, предпочтет выдавать вознаграждение, смотря по числу рабочих часов, или же по результатам труда.

Это решение вопроса,—предоставлявшее каждой производительной группе выбор способа вознаграждения,—и составляло впродолжении долгого времени основную черту так-называемого *коллективизма рабочих союзов в латинских народностях* в противоположность Государственному Коммунизму.

Наконец, что касается способа перехода от современного общества к обществу социалистическому, то деятели Интернационала не придавали большого значения тому, что по этому поводу говорил Фурье. Они чувствовали, что в Европе развивается положение дел, ведущее

к революции, и видели, что приближается революция более глубокая и более общая, чем революция 1848 года. И когда она начнется, говорили они, рабочие должны сделать все от них зависящее, чтобы отнять у Капитала захваченные им монополии и передать их в руки самих производителей, т. е. рабочих.

VI.

Толчек, данный Парижской Коммуной.—Бакунин.

Из предшествующих глав уже можно представить себе на какой почве развивались анархические идеи в Интернационале. Мы видели, какую смесь централистического и государственного якобинства с стремлениями к местной независимости и федерации, представляли тогда понятия деятелей Международного Союза Рабочих. И то и другое течение мысли —мы теперь это знаем— имело своим источником Вел кую Французскую Революцию. Централистические идеи происходили по прямой линии от якобинства 1793 года, а идеи местной независимой деятельности были наследием крупной созидательной и разрушительной, революционной работы коммун (общин) 1793—1794 года и их отделов (секций) в больших городах.

Надо сказать, однако, что первое из этих двух течений, якобинское, без сомнения преобладало. Почти все буржуазные интеллигенты, вошедшие в Интернационал, мыслили, как государственники-якобинцы, а рабочие находились под их влиянием.

Нужно было, чтобы совершилось событие такой громадной важности, как провозглашение Парижской Коммуны и геройская борьба парижского народа против буржуазии, чтобы дать новое направление революционной мысли,—по крайней мере, в латинских странах, особенно в Испании, Италии и части французской Швейцарии.

В июле 1870 года началась ужасная франко-прусская война, в которую бросились Наполеон III и его советники, чтобы спасти Империю от неизбежной республиканской революции. Война привела к жестокому разгрому Франции, к гибели Империи, к временному правительству Тьера и Гамбетты и к Парижской Коммуне, за которою последовали подобные же попытки в Сент-Этьене во Франции и в Барселоне и Карфагене в Испании.

Для Интернационала—по крайней мере, для тех его членов, которые умели мыслить и извлекать пользу из уроков жизни, происшедшие события послужили уроком. Эти общинные (коммунальные) восстания были настоящим откровением. Они видели, как отдельные города об‘явили свою независимость от Государства и свое право самим начинать новую жизнь, не дожидаясь, пока вся нация с ее остальными областями согласится тоже выступить на новый путь; и они поняли, что, совершаясь под красным знаменем социальной революции, которое парижские рабочие ценой своей жизни отчаянно защищали на баррикадах, восстания городов указали, какою должна быть, какою вероятно будет *политическая форма будущей революции* среди латинских народностей.

Не демократическая Республика, как то думали в 1848 г. *а Община—свободная, независимая и, весьма вероятно, коммунистическая община.*

* * *

Понятно, что спутанность мысли, царившая тогда в умах относительно того, какие политические и экономические меры нужно принять во время народной революции, чтобы обеспечить ей успех, дала себя почувствовать и во время Парижской Коммуны. Там царила та-же умственная неопределенность, которую мы видели в Интернационале.

Якобинцы, т. е. правительственные централисты, с одной стороны, и коммунисты-федералисты, т. е. общинники, с другой, были одинаково представлены в парижском восстании, и очень скоро между ними стали происходить несогласия. Самый воинствующий элемент находился среди якобинцев и бланкистов. Но Бланки сидел в тюрьме, а среди бланкистских главарей—буржуа, по большей части—уже немного осталось от коммунистических идей их предшественников бабувистов. Для них, экономический вопрос был чем-то таким, чем надо будет заняться *потом*, после того как восторжествует Коммуна; а так как это мнение было с самого начала очень распространено, то народные коммунистические стремления не успели развиться настоящим образом. Тем более, что и сама Коммуна, провозглашенная, когда немецкие армии стояли вокруг Парижа, просуществовала всего 70 дней.

При таких условиях поражение не заставило себя ждать, и беспощадная месть трусливой, напуганной и злобной буржуазии еще раз доказала, что торжество народной коммуны может быть достигнуто только в том случае, если народные массы, побуждаемые потребностью завоеваний на *экономической почве*, со страстью выступят в движение.

Чтобы общинная политическая революция могла восторжествовать, надо уметь провести одновременно революцию экономическую.

* * *

Что Парижская Коммуна сделала невозможным восстановление монархии, как того хотела буржуазия—в этом нет сомнения. Но самым важным последствием Парижской Коммуны было то, что революционный пролетариат латинских стран стал яснее понимать с тех пор истинное положение вещей.

«Свободная Община»—такова *политическая* форма, которую должна будет принять социальная революция. Пускай вся страна, пускай все соседние страны будут против такого образа действий,—но, раз жители данной общины и данной местности решили ввести *обобществление потребления* предметов, необходимых для удовлетворения их потребностей, а также обобществление *обмена* этих продуктов и их производства—*они должны осуществить это сами, у себя на деле*, не дожидаясь решений в этом смысле Национального Парламента. И если они это сделают,—если они направят свои силы на это великое дело, то они найдут внутри своей общины такую силу, которую они никогда бы не нашли, еслиб захотели увлечь за собой всю страну со всеми ее частями—отсталыми, враждебными или безразличными. Лучше открыто бороться против них, чем тянуть их за собой, как ядро, привязанное к ногам революции.

Больше того. Мы также считаем, что если не нужно центральное правительство, чтобы приказывать свободным общинам,—если национальное правительство уничтожается и единство страны достигается помощью свободной федерации общин,—в таком случае, таким же лишним и вредным является и *центральное городское управление*. Дела, которые приходится решать внутри отдельной общины, даже в большом городе, в действительности гораздо менее сложны, и интересы граждан менее разнообразны и про-

тивуположны, чем внутри страны, хотя бы она была не больше Швейцарии или одного из ее кантонов.

Федеративный принцип, т. е. вольное об'единение кварталов, промышленных союзов, союзов потребления и обмена и т. д., вполне достаточен, чтобы установить внутри общины согласие между производителями, потребителями и другими группами граждан.

* * *

Парижская Коммуна дала ответ еще на один вопрос, который мучил каждого революционера. Два раза Франция делала попытку провести социальную революцию—оба раза при помощи центрального правительства: первый раз в 1793—1794 году, когда, после изгнания жирондистов из Конвента, Франция попробовала ввести «действительное равенство», т. е. равенство настоящее, экономическое—при помощи строгих законодательных мер; и второй раз в 1848 году, когда она попробовала дать себе, через Национальное Собрание, «Социаль-Демократическую Республику». И оба раза она потерпела полнейшую кровавую неудачу.

Теперь сама жизнь нам подсказывала новое решение: «Свободная Община». Община, сама, должна будет произвести революцию в своих пределах в то же время, когда она будет освобождаться от центрального Государства. И по мере того, как выяснилось в умах это решение, стал развиваться новый идеал: *анархия*.

Мы тогда поняли, что в книге Прудона, «*Общее понятие о Революции в девятнадцатом веке*», заключалась глубоко-практичная мысль: идея Анархии. И мысль передовых людей латинских народностей начала работать в этом направлении.

С другой стороны, государственные стремления в Главном Совете Интернационала обозначались все сильнее и угрожали всему Интернационалу, в котором независимость национальных федераций была основным началом, причем Главный Совет, существовавший только для облегчения сношений, не должен был иметь никакой власти. Между тем, в 1872 году, после поражения Франции и Коммуны, Главный Совет Интернационала, под руководством Маркса и Энгельса, которых поддержали в этом французские бланкисты, эмигрировавшие в Лондон после Парижской Коммуны, произвел насильственный переворот.

Созвавши, вместо всеобщего, международного С'езда, небольшую «Конференцию» из своих приверженцев, Совет заменил в программе действий Союза прямую борьбу Труда против Капитала, агитацией в буржуазных парламентах. Этот переворот открыл многим глаза. Даже самые доверчивые увидали, как глупо поручать ведение своих дел правительству,—хотя бы оно было избрано на таких демократических началах, как это было при избрании Главного Совета Интернационала. Федерации Испанская, Итальянская, Юрская, Валлонская и одна английская секция восстали против власти Главного Совета [1]). Но, увы, серьезный отпор против захвата власти Советом был дан только в латинских странах: в Испании, в Италии, в романской Швейцарии и в валлонской части Бельгии. Немцы, наоборот, вынесли совсем другое заключение из своей победы над Францией: они пришли к преклонению перед государственным централизмом.

---

[1]) Чтобы познакомиться с подробностями этого переворота и с его последствиями, надо прочесть прекрасную историческую работу Джемса Гильома об Интернационале, или же сокращенное изложение этого труда, приготовляемое теперь д-ром Брунбахером

Государство с сильно-сосредоточенною в нем властью и враждебное всякому намеку на национальную независимость; сильная лестничная централизация чиновничества и сильное правительство—вот к каким выводам пришли немецкие социалисты и радикалы. Они не хотели даже понять, что их победа над Францией была победой многочисленной армии (свыше миллиона солдат), возможной при всеобщей воинской повинности, над малочисленной французской армией (420,000), собранной при существовавшем тогда во Франции рекрутском наборе; что победа была одержана главным образом над разлагающеюся Второю Империею, когда ей уже угрожала революция,—революция, которая принесла бы пользу всему человечеству, если бы ей не помешало вторжение немцев во Францию.

Таким образом Парижская Коммуна дала толчок идеи анархизма среди латинских народов.

* * *

В лице Бакунина, анархическое направление, начавшее развиваться в Интернационале, нашло могучего и страстного защитника. Вокруг Бакунина и его Юрских друзей быстро сплотился небольшой круг молодых швейцарцев, итальянцев и испанцев, который дал более широкое развитие его мыслям.

Пользуясь своими широкими познаниями в истории и философии, Бакунин дал обоснование современному анархизму в целом ряде сильных статей и писем.

Он храбро выступил с мыслью о современном уничтожении Государства, со всем его устройством, его идеалом и его целями. В свое время, в прошлом, Государство являлось историческою необходимостью. Это было учреждение, роковым образом развивавшееся из влияния, приобретенного религиозными кастами. Но теперь полнейшее

уничтожение Государства является в свою чередь исторически необходимым, потому что Государство—это отрицание свободы и равенства; потому что оно только портит все за что принимается, даже тогда, когда хочет провести в жизнь то, что должно служить на пользу всем.

Каждый народ, как бы мал он ни был, каждая община должны иметь возможность свободно устроиться, как они это понимают,—поскольку они не угрожают своим соседям. То, что на политическом наречии называется «федерализмом» и «автономиею», еще не достаточно; это только слова, которые прикрывают власть централизованного Государства [1]). Полнейшая независимость общины, союз свободных общин и социальная революция внутри общины—вот идеал, который стоит теперь перед нашею общественностью, по мере того как мы выходим из мрака прошедших веков. Человек начинает понимать, что он не будет совершенно свободен, пока в такой же степени не будет свободно все вокруг него.

В своих экономических взглядах Бакунин был полнейшим коммунистом, но по уговору со своими друзьями федералистами из Интернационала, он называл себя анархическим коллективистом, отдавая дань недоверию, которое

---

[1]) Так напр. в Австрии существует „федерализм", т. е. отдельные народности (чехи, венгерцы) имеют свои парламенты состоящие в союзном (федеральном) договоре между собою; но Богемия, Венгрия представляют собою отдельные союзные государства. Примеры значительной „автономии", т. е. значительной независимости, мы имеем в городах Соединенных Штатов и Канаде. Но от „автономии" Северо-Американских городов до полной *независимости*, какою пользовались с 12-го по 16-ый и 17-ый век Амиен Флоренция, Нюренберг, Псков, Новгород и тысячи других европейских городов, еще очен далеко.

вызвали к себе во Франции коммунисты государственники. Однако его коллективизм конечно не был коллективизмом Видаля и Пеккера, ни их нынешних последователей, которые стремятся просто к государственному капитализму. Для него, как и для друзей, коллективизм означал общее владение всем, что служит для производства, не определяя заранее, в какой форме будет производиться вознаграждение труда среди различных групп производителей: примут ли они коммунистическое решение, или же предпочтут марки труда, или равную для всех поденную заработанную плату, или какое либо другое решение.

При своих анархических взглядах он был одновременно горячим пропагандистом социальной революции, скорое пришествие которой в то время предвидело большинство социалистов, и которую он горячо проповедывал в своих письмах и сочинениях.

VII.

Анархическое учение в его современном виде.

Если накануне 1848 года и в последующие годы, вплоть до Парижской Общины 1871 года, возмущение против государства принимало форму возмущения отдельной личности против общества и его условной нравственности, и проявлялось главным образом среди молодого поколения буржуазии, то теперь, в рабочей среде, оно приняло более серьезный характер. Оно преобразилось в искание новой формы общества, свободного от притеснений и эксплуатации, которым теперь способствует Государство.

Интернационал должен был быть, по мысли основавших его рабочих, обширным Союзом (федерациею) рабочих групп, которые являлись бы начатком того, чем сможет стать общество, обновленное социальною революциею: общество, в котором современный правительственный механизм и капиталистическая эксплуатация должны исчезнуть и уступить место новым отношениям между федерациями производителей и потребителей.

При этих условиях идеал анархизма не мог более быть личным, как у Штирнера: он становился идеалом общественным.

По мере того, как рабочие обеих частей света ближе знакомились между собою и вступали в непосредственные сношения, не взирая на разделявшие их границы, они начинали лучше разбираться в социальном вопросе и с бо́льшим доверием относились к своим собственным силам.

Они предвидели, что если бы землею стал владеть народ, и если бы промышленные рабочие, завладев фабриками и мастерскими, стали бы сами управлять промышленностью и направлять ее на производство всего необходимого для жизни народа, то тогда не трудно было бы широко удовлетворять все основные потребности общества. Недавние успехи науки и техники являлись залогом успеха. И тогда производители различных наций сумели бы установить международный обмен на справедливых основаниях. Для тех, кто был близко знаком с фабриками, заводами, копями, земледелием и торговлею, это не подлежало ни малейшему сомнению.

В то же время все больше росло число рабочих, которые понимали, что Государство, со своей чиновничей иерархией и с тяжестью лежащих на нем исторических преданий, не может не быть тормазом нарождению нового общества, свободного от монополий и эксплуатации.

Само историческое развитие государства было вызвано ничем иным, как возникновением земельной собственности и желанием сохранить ее в руках одного класса, который таким образом стал бы господствующим. Какие же средства может доставить государство для уничтожения этой монополии, если сами трудящиеся не смогут найти эти средства в своих собственных силах и в своем об'единении? В течение девятнадцатого века государство неимоверно усилилось в смысле утверждения монополий промышленной собственности, торговли и банков в руках вновь разбо-

гатевших классов, которым оно доставляло дешевые рабочие руки, отнимая землю у деревенских общин и сокрушая крестьян непосильными налогами. Какие преимущества может доставить *государство,* чтобы уничтожить эти самые привилегии, если у крестьян не будет сил об'единиться и добиться этого самим? Государственный механизм, развиваясь, имел своей целью созидание и укрепление привилегий—как же может он послужить их уничтожению? Разве такая новая деятельность не потребует новых исполнительных органов? И разве эти исполнительные органы не должны быть созданы теперь самими рабочими, внутри их союзов, их федераций, без всякого отношения к государству?

Тогда, когда падут созданные и поддерживаемые государством преимущества для отдельных лиц и классов, существование государства потеряет всякий смысл. Совершенно новые формы общежития должны будут возникнуть, раз отношения между людьми перестанут быть отношениями между экспуатируемыми и экспуататорами. Жизнь *упростится,* когда станет излишним механизм, существующий для того, чтобы помогать богатым еще более богатеть на счет бедных.

Представляя себе мысленно свободные общины, сельские и городские, (т. е. земельные союзы людей, связанных между собой по месту жительства) и обширные профессиональные и ремесленные союзы, (т. е. союзы людей, по роду их труда), причем общины и профессиональные и ремесленные союзы тесно переплетаются между собою,—представляя себе такое устройство взаимных отношений между людьми, анархисты могли уже составить себе определенное понятие о том, чем может быть общество, освободившееся от ига Капитала и Государства.

К этому им оставалось только прибавить, что рядом с общинами и профессиональными союзами будут возникать тысячами безконечно-разнообразные общества и союзы людей *в силу сходства их личных наклонностей*. Мало-ли у людей общих интересов, общественных, религиозных, художественных, ученых, в целях воспитания, исследования, или даже просто развлечения! Такие союзы, вне всяких политических или хозяйственных целей, создаются уже теперь во множестве; число их несомненно должно рости, и они будут тесно переплетаться с другими союзами, как земельными, так и союзами для производства, для потребления и для обмена продуктов.

Эти три рода союзов и обществ, сетью покрывающих друг-друга, дали бы возможность удовлетворять всем общественным потребностям: потребления, производства и обмена, путей сообщения, санитарных мероприятий, воспитания, взаимной защиты от нападений, взаимопомощи, защиты территории; наконец—удовлетворения потребностей художественных, литературных, театральных, а также потребностей в развлечениях и т. п. Все это — полное жизни и всегда готовое отвечать на новые запросы и на новые влияния общественной и умственной среды, и приспособляться к ним.

Если бы общество такого рода развивалось на достаточно обширной и достаточно населенной территории, где самые различные вкусы и потребности могли бы проявить себя, то всем скоро стала бы ясна ненужность каких-бы то ни было начальственных принуждений.

И в самом деле, в современном Государстве самой большой помехой развитию и поддержанию нравственного уровня, необходимого для жизни в обществе, является отсутствие общественного равенства. Без равенства—

„без равенства на деле", как выражались в 1793 году,— чувство *справедливости* не может сделаться общим достоянием. *Справедливость должна быть одинакова для всех*, а в нашем обществе, расслоенном на классы, чувство равенства терпит поражения каждую минуту, на каждом шагу. Чтобы чувство справедливости по отношению ко всем вошло в нравы и в привычки общества, надо чтобы *равенство существовало на деле.* Только в обществе равных мы найдем справедливость.

Тогда принуждение, или, вернее, желание прибегать к принуждению, перестало бы проявляться. Всякому стало бы ясно, что нет нужды стеснять личную свободу, как это делается теперь, то страхом наказания, судебного, или свыше, то подчинением людям, признанным высшими, то преклонением перед метафизическими существами, созданными страхом или невежеством. Все это, в современном обществе, ведет только к умственному рабству, к принижению личной предприимчивости, к понижению нравственного уровня людей, к остановке движения вперед.

В среде равных, человек мог бы с полным доверием предоставить собственному разуму направлять себя, так как разум, развиваясь в такой среде, *необходимо* должен был бы нести на себе печать общительных привычек среды. В таких условиях—и только в таких условиях—человек мог бы достичь полного развития своей *личности*, между тем как восхваляемый в наше время буржуазией индивидуализм, якобы являющийся для „высших натур" средством достижения полного развития человеческого существа, — есть только самообман. Восхваляемый ими индивидуализм, наоборот, является самой верной помехой для развития всякой ярко выраженной личности.

В нашем обществе, которое преследует *личное обога-*

щение, и тем самым осуждено на всеобщую бедность в своей среде, самый способный человек осужден на жестокую борьбу, ради приобретения средств необходимых для поддержки его существования. Как бы ни были скромны его требования, он работает, как вол, шесть дней из семи, только чтобы добыть себе кров и пищу. Что касается тех, в сущности очень немногих лиц, которым удается отвоевать, кроме того, известный досуг, необходимый для свободного развития своей личности, то современное общество разрешает им пользоваться этим досугом только под одним условием: *надеть на себя ярмо законов и обычаев буржуазной посредственности*, и никогда не потрясать основ этого царства посредственности, ни слишком едкою критикою, ни личным возмущением.

„Полное развитие личности“ разрешается только тем, кто не угрожает никакою опасностью буржуазному обществу,—тем, кто для него *занимательны*, но не опасны.

Как мы уже сказали, анархисты основывают свои предвидения будущего на данных, добытых путем наблюдения.

В самом деле, если мы будем разбирать направления мысли, преобладающие в образованных обществах с конца восемнадцатого века, мы должны признать, что направление централистское и государственное еще очень сильны среди духовенства, буржуазии, и тех рабочих, которые получили буржуазное образование и сами стремятся войти в буржуазию; тогда как направление противо-государственное, противо-централистское и противо-военное, также как и учение о свободном соглашении, имеет многочисленных сторонников среди рабочих и среди хорошо образованной, более или менее свободомыслящей части интеллигентной буржуазии.

В самом деле, как я на это уже указывал в моих работах („Хлеб и Воля“, „Взаимопомощь“), в настоящее время замечается сильное стремление к созиданию, помимо Государства и Церкви, тысяч и тысяч небольших союзов для удорлетворения всевозможных потребностей: экономических (железнодорожные общества, рабочие синдикаты и синдикаты предпринимателей, кооперативы, товарищества земледельческие, для вывоза продуктов и т. д.), политических, умственных, художественных, воспитательных, для пропаганды и так далее. То, что прежде было неоспоримо обязанностью Государства и Церкви, теперь составляет отрасль деятельности свободных организаций. Это напраление делается все более и более видимым. Достаточно было, чтобы дуновение свободы немного обуздало Церковь и Государство, чтобы свободные организации начали появляться тысячами. И можно предвидеть, что как только права этих двух вековых врагов свободы будут еще более ограничены, сейчас же еще шире разовьют свою деятельность свободные организации.

Будущее и прогресс лежат в этом направлении, а Анархия есть выражение того и другого.

VIII.

Отрицание Государства.

Надо конечно признать, что и на анархистах сказалось влияние хаотического состояния науки о политической экономии. Среди них, как и среди социалистов-государственников, мнения по этому предмету делятся.

Подобно всем тем социалистам, которые остались социалистами, анархисты считают, что существующая теперь частная собственность на землю и на все необходимое для производства, причем в производстве имеется целью только прибыль, есть зло; что современные наши общества должны уничтожить эту систему, если они не хотят погибнуть, как погибло уже множество древних цивилизаций.

Что-же касается тех средств, при помощи которых могла бы произойти эта перемена, то тут анархисты находятся в полном противоречии со всеми фракциями социалистов-государственников. Они отрицают возможность разрешить задачу при помощи Государственного Капитализма, т. е. захвата Государством всего общественного производства, или же его главных отраслей. Передача железных дорог, рудников, земли, в руки современного государства, т. е. в управление назначаемых парламентов

министров и их чиновничьих канцелярий, не является нам идеалом. Мы в этом видим только новую форму закрепощения рабочих и эксплуатации рабочего капиталистом. И мы конечно не верим, чтобы государственный капитализм был путем к уничтожению закрепощения и эксплуатации, или же одной из переходных ступеней на пути к этой цели.

Таким образом, пока социализм понимался в его настоящем и широком смысле, как освобождение Труда от эксплуатации его Капиталом, анархисты шли в согласии с теми, кто тогда были социалистами. И те и другие предвидели социальную революцию и желали ее наступления; причем анархисты надеялись, что революция породит новую без-государственную форму общества, тогда как социалисты, из которых весьма многие были тогда еще коммунистами, не стремились точно определить, в какой форме они представляли себе будущий переворот, а многие из них согласились, что надо непременно ослабить центральную власть.

Но анархистам пришлось окончательно отмежеваться когда, если и не большинство, то очень сильная фракция социалистов-государственников прониклась мыслью, что совсем не требуется уничтожать капиталистическую эксплуатацию; что для нашего поколения и для той ступени экономического развития, на которой мы находимся, не требуется ничего другого, как *уменьшить* эксплуатацию, заставив капиталистов подчиниться известным законодательным ограничениям.

На это анархисты не могли согласиться. Если мы в будущем хотим достичь уничтожения капиталистической эксплуатации, то уже *теперь, с сегодняшнего же дня* мы должны направлять наши усилия к уничтожению этой эксплуатации. Уже теперь мы должны стремиться к не-

посредственной передаче всего, что служит для производства—угольных копей, рудников, заводов, фабрик, путей сообщения и, в особенности, всего необходимого *для жизни производителей*—из рук личного Капитала в группы производителей.

Кроме того, мы должны беречься от передачи средств существования и производства *в руки современного Государства*. В то время, как социалистические партии во всей Европе требуют передачи железных дорог, производства соли, рудников и угольных копей, банков (в Швейцарии) и монополии спирта *Государству, в современном его виде*, мы видим в этом захвате общественного достояния буржуазным государством, одно из самых больших препятствий к переходу этого достояния в руки *трудящихся, производителей и потребителей*. Мы в этом видим средство к усилению капиталиста, к росту его сил, направленнных на борьбу против возмутившегося рабочего. Наиболее проницательные из среды капиталистов прекрасно это понимают. Они понимают, что их капиталы, например, будут гораздо сохраннее и их дивиденды—гораздо *надежнее*, если они будут вложены в железные дороги, принадлежащие государству и управляемые государством по военному образцу.

Для тех, кто привык задумываться над социальными явлениями в их совокупности, в этом нет ни тени сомнения.—«Нельзя готовить социальные перемены, не делая никаких шагов в направлении желательных перемен. Мы будем удаляться от нашей цели, если пойдем этим путем». И в самом деле, это значило-бы удаляться от момента, когда производители и потребители станут сами хозяевами производства, если начать с передачи производства и обмена в руки парламентов, министерств, современных чи-

новников, которые теперь *не могут быть ничем иным, как орудиями крупного капитала*, так как все государства теперь зависят от него. Нельзя уничтожить созданные в прошлом монополии, создавая новые монополии в пользу тех же прежних монополистов.

* * *

Мы не можем также забыть, что Церковь и Государство были той политической силой, к которой привилегированные классы—в ту пору, когда они только еще начинали утверждаться—прибегали, чтобы сделаться законными обладателями всяких привилегий и прав над остальными людьми. Государство было именно тем учреждением, которое укрепило уверенность с обеих сторон в праве пользования этими привилегиями. Оно было выработано, создано веками с тем, чтобы утвердить господство привилегированных классов над крестьянами и рабочими. И, вследствие этого, ни Церковь, ни Государство не могут теперь сделаться тою силою, которая послужила бы к уничтожению этих привилегий.

Ни Государство, ни Церковь не могут быть той формой общественного устройства, которая возникнет, когда будут уничтожены привилегии. Наоборот, история нас учит, что каждый раз, когда в недрах нации зарождалась какая-нибудь новая хозяйственная форма общежития (напр., замена рабства крепостным правом, или крепостного права—наемным трудом), всегда в таких случаях приходилось вырабатывать *новую форму политического общежития*.

Точно так-же, как Церковь никогда не может быть использована, чтобы освободить человека из под ига старых суеверий, или—чтобы дать ему новую, свободно-признанную, высшую нравственность; точно так же, как чувства равенства, тесной сплоченности и единения всех

людей, хотя и проповедуются всеми религиями, но широко распространятся в человечестве, только тогда, когда примут формы, совершенно различные от тех, которые им давались Церквами, потому что Церкви завладевали ими, чтобы использовать их в пользу духовенства,—точно также и экономическое освобождение произойдет, разбивши сперва старые политические формы, нашедшие свое выражение в Государстве.

Человек будет вынужден найти новые формы для всех общественных отправлений, которые теперь Государство распределяет между своими чиновниками. Орудие угнетения, порабощения, рабской подчиненности не может стать орудием освобождения. Вольный человек сумеет найти новые формы жизни, взамен рабской иерархии чиновников. Эти формы уже намечаются. И пока они не выработаются самою жизнью освобождающихся людей,—самою освободительною революциею,—до тех пор ничего не будет сделано.

Анархия работает для того, чтобы этим новым формам общественной жизни легче было пробить себе путь, а пробьют они его себе, как это всегда бывало в прошлом, в момент великих освободительных движений. Их выработает созидательная сила народных масс, при помощи современного знания.

* * *

Вот почему анархисты отказываются от роли законодателей и от всякой другой государственной деятельности. Мы знаем, что социальную революцию нельзя произвести *законами*. Потому что законы, если даже они приняты Учредительным Собранием под влиянием улицы (и как еще могут быть они приняты, когда в Палате приходится согласовать представителей самых разнообразных требований?)—даже после того, как они приняты Палатой

законы—не что иное, как приглашение обществу работать в известном направлении, — поощрение лицам, живущим среди народа, чтобы они использовали свою энергию, свою изобретательность, свои организаторские и созидательные таланты для проведения в жизнь известных направлений. Но для этого требуется, *чтобы на местах были силы*, готовые и способные перевести формулы и пожелания закона в реальную действительность [1]).

В силу тех же причин, с самого возникновения Интернационала вплоть до наших дней, многие анархисты постоянно принимали деятельное участие в рабочих организациях, создавшихся для прямой борьбы Труда против Капитала. Такая борьба скорее, чем всякая косвенная, политическая агитация, помогает рабочим достигнуть некоторых улучшений их участи; она открывает им глаза на то зло, которое приносит обществу капиталистическое устройство и поддерживающее его Государство; и в то же время она заставляет их задуматься над вопросом о том, как организовать потребление, производство и непосредственный обмен между заинтересованными сторонами, не прибегая к помощи ни капиталиста, ни Государства.

* * *

Что касается до формы *распределения труда* в обществе, освободившемся от вмешательства Капитала и Государства, то тут, как мы это уже видели, мнения анархистов расходятся.

Все сходятся в отрицании той новой формы заработной

[1]) Что вышло бы, например, из Положения 19-го февраля (уничтожившего крепостное право), если бы на месте не находились люди, имевшие смелость, при всякой грубости и насилии помещика, давать ему подобающий ответ, и способные *заставить* Мировых Посредников обуздывать господ крепостников?

платы, которая появилась бы, еслиб Государство взяло в свои руки орудия производства и обмен, подобно тому, как оно уже завладело железными дорогами, почтой, образованием, защитой территории. Вновь приобретенное промышленное могущество, вместе с уже существующим (налоги, защита территории, государственная церковь и т. п.) создало бы новое могучее орудие власти на службе у тирании.

Поэтому большинство анархистов присоединяется в настоящее время к тому решению вопроса, которое дается *анархистами-коммунистами.* Постепенно, среди думающих об этом вопросе, складывается убеждение, что коммунизм — по крайней мере по отношению к предметам первой необходимости — представляет решение, к которому идут современные общества, и, что в цивилизованном обществе единственно возможной формой коммунизма является та, которую предлагают анархисты, т. е. безначальный коммунизм. Всякий другой коммунизм невозможен. Мы переросли его.

Коммунизм, по существу своему, предполагает равенство всех членов коммуны, и отрицает поэтому всякую власть. С другой стороны, немыслимо никакое анархическое общество известной величины, которое не начало бы с обеспечения всем хотя бы некоторого уровня жизненных удобств, добываемых всеми сообща.

Таким образом понятия Коммунизма и Анархии необходимо дополняют друг-друга.

Но наряду с коммунистическими течениями, существует также и другое направление, которое видит в Анархии осуществление полного *индивидуализма.* Об этом течении мы скажем теперь несколько слов.

IX.

Индивидуалистическое направление.

Индивидуалистическое направление в Анархии имеет, конечно, главным своим основанием желание сохранить в полноте независимость личности. В этом оно идет вполне рука-об-руку с коммунистическим направлением. Оба стремятся к тому, чтобы никакие общественные цепи,—в роде тех, которые налагала старо заветная семья, или городская община, или цех (гильдия), в то время, когда они уже вымирали—не стесняли свободного развития личности. В этом одинаково заинтересованы и коммунист-анархист, и индивидуалист вообще.

Но индивидуалистский анархизм является также противником коммунистского анархизма; и тогда несогласие между ними бывает основано, по нашему мнению, на недоразумении. Анархический индивидуализм представляется нам в таком случае пережитком старых времен, когда орудия производства не достигли еще того совершенства, до которого они дошли теперь, благодаря наукам и развитию техники.

Всего каких нибудь пятьдесят или шестьдесят лет тому назад коммунизм представлялся, даже таким мыслящим

людям, как Прудон, в виде всеобщей бедноты и всеобщего подчинения. Самый скромный достаток и возможность располагать частью своего свободного времени были тогда достоянием весьма небольшого числа людей, живших трудом рабочих, крестьян, или рабов. Поэтому те, кому дорога была экономическая независимость, со страхом ждали дня, когда им нельзя будет принадлежать к небольшой привилегированной кучке людей. В личной собственности они видели тогда единственное спасение для обеспечения человеку достатка, досуга, свободы. Не надо забывать' что в то время Прудон оценивал *все* производство Франции всего в пять су, т. е. в 12 копеек, в день на человека.

Теперь это затруднение перестало существовать. При наличности огромной производительности человеческого труда, которая достигнута нами в земледелии и промышленности (см., например, мою работу «Земледелие и Промышленность»), не подлежит никакому сомнению, что очень высокая степень достатка могла бы быть достигнута, легко и в короткое время, при помощи умно организованного коммунистического труда; причем от каждого отдельного лица не требовалось бы более 4—5 часов работы в день, что дает возможность иметь по крайней мере пять совершенно свободных часов в день, после удовлетворения всех главных потребностей: жилья, пищи и одежды.

Таким образом возражение о всеобщей бедности при коммунизме, а следовательно и подавление всех тяжелою работою, совершенно отпадает. Остается только желание, совершенно справедливое желание, сохранить для личности наибольшую свободу, рялом с выгодами общественной жизни, т. е. возможность каждой личности в полности развивать свои личные таланты и особенности.

* * *

Анархический индивидуализм, т. е. направление, ставящее во главу своих желаний полную независимость личности, без всякой заботы о том, как сложится общество, - это направление в настоящее время, подразделяется на две главные ветви. Во-первых, есть индивидуалисты толка Штирнера, которые в последнее время нашли подкрепление в художественной красоте писаний Нитцше. Но мы не станем долго на них останавливаться, так как в одной из предыдущих глав уже указали, насколько «утверждение личности» далеко от действительной жизни, насколько оно оскорбляет чувство равенства—основу всякого освобождения. т. к. нельзя освобождаться, желая господствовать над другими; и насколько оно приближает тех, кто зовет себя «индивидуалистами», к привилегированному меньшинству: к духовенству, буржуа, чиновникам и т. п., которые также считают себя стоящими выше толпы т. е. к тем, кто наградил нас Государством, Церковью, Законами, Полицией, Военщиной и всевозможными вековыми притеснениями.

Другая ветвь «анархистов-индивидуалистов» состоит из «мутуалистов»,—т. е. последователей *Взаимности* Прудона. Эти анархисты ищут разрешения социальной задачи в свободном, добровольном союзе тысячей мелких союзов, который ввел бы обмен продуктами, при помощи «марок труда». Марки труда обозначали бы число рабочих часов, необходимых для производства известного предмета, или же число часов, которые были потрачены отдельным лицом на производство общественно-необходимой работы.

Но в сущности, такое устройство общества вовсе не индивидуализм—оно вовсе не является презрением общественности, и возвеличением личности в противность обществу. Напротив того, оно является, подобно ком-

мунизму, одною из высших форм *общественности*, по сравнению с теперешним строем. Его можно упрекнуть только в том, что оно представляет сделку (компромисс) между коммунизмом и индивидуализмом, так как проповедует коммунизм—во владении всем, что служит для производства, и индивидуализм, т. е. сохранение теперешней заработной платы, личный рассчет, в вознаграждении за труд.

Эта двойственность и является, по нашему мнению, неопреодолимым препятствием для введения такой формы общежития. Невозможно обществу организоваться, следуя двум противоположным началам: с одной стороны превращение в общую собственность всего, что *было* произведено до известного дня, а с другой—строгое сохранение личной собственности на то, что *будет* сработано личностью при помощи общественных орудий, запасов и т. д.

Не надо также упускать из виду огромного разнообразия в машинах и в способах производства в различных местностях и в развивающейся промышленности. Вследствие этого разнообразия мы постоянно видим что с такою то машиною и с такими-то оборудованием производства удается произвести, при той же затрате труда и времени, вдвое или втрое больше, чем когда работают более отсталыми машинами. Так, например, в ткацком деле в настоящее время употребляются такие разнообразные станки, что число станков, которыми может управлять один человек, разнится от трех до двенадцати и до двадцати (в Америке). Затем, не следует также упускать из виду разницу в мускульной и мозговой силе, которую приходится расходовать отдельным рабочим в различных отраслях производства. И, если принять во внимание все эти различия, то невольно приходится спросить себя, сможет

ли когда-нибудь рабочий час служить мерилом для *торгового* обмена продуктами?

Современный торговый обмен в капиталистическом обществе понятен; но нельзя понять торгового обмена, основанного на числе рабочих часов, потребных для производства данного товара в обществе, *тогда когда рабочий час перестанет уже иметь торговую ценность*: когда рабочая сила перестанет быть *продажным* товаром.

Если же, в виде уступки личному вознаграждению было бы введено, кроме вознаграждения за «простой» рабочий час, еще особое вознаграждение за труд, требующий предварительного обучения, или же еслиб люди вздумали принимать во внимание «возможности повышения» в иерархии промышленных служащих, то этим были бы восстановлены те самые отличительные черты современной заработной платы, со всеми ея недостатками, которые заставляют нас искать средства, чтобы избавиться от нее.

Нужно, впрочем прибавить, что прудоновская идея «взаимности» имела некоторый успех среди фермеров в Соединенных Штатах, где эта система продолжает, повидимому, существовать среди нескольких довольно больших фермерских организаций.

* *
*

К мутуалистам же приближаются и те американские анархисты-индивидуалисты, которые в пятидесятых годах девятнадцатого века были представлены С. П. Эндрьюсом (S. P. Andrews), В. Грином (W. Green) и в особенности очень талантливым мыслителем, Лизандром Спунером (Lysander Spooner), а в самое недавнее время—Веньямином Тэккером (Tucker), многолетним издателем журнала Liberty (Свобода).

Их учение идет от Прудона, но также (у Тэккера) и

от Герберта Спенсера. Они исходят из положения, что для анархиста существует один только закон это, заниматься самому своими собственными делами. Поэтому, каждая отдельная личность и группа имеют «право» поступать, как им угодно,—даже подчинить себе все человечество, если у них хватит на это сил. Если бы эти начала, говорит Тэккер, нашли бы себе *всеобщее* применение, они не представляли бы никакой опасности, потому что могущество каждого отдельного лица было бы ограничено равными «правами» всех других.

Но рассуждать подобным образом, по нашему мнению, значит отдаватъ слишком большую дань метафизике и делать совершенно фантастические предположения. Говорить, что кто-нибудь имеет «право» уничтожить все человечество, если у него на то хватит сил и вместе с тем утверждать, что «права» каждого *ограничены* такими же правами всех, представляется нам чистейшим препирательством словами (диалектикою) господ метафизиков, без применения к жизни. Для нас, прáвду сказать, такие «словеса» лишены смысла.

Если оставаться в области действительной жизни людей, то нет никакой возможности вообразить себе какое бы то ни было общество, или даже простое скопление людей, имеющих какое бы то ни было общее дело, в котором дела одного члена не касались бы всех остальных. Еще менее возможно представить себе общество, в котором постоянные взаимные сношения между его членами не вызвали бы интереса каждого (или, почти каждого) ко всем остальным и не сделали бы для него просто невозможным действовать, не думая о последствиях его поступков для общества.

Вот почему Тэккер, подобно Спенсеру, великолепно

раскритиковав Государство и высказав очень важные мысли в защиту прав отдельной личности, кончил тем, что воссоздал в лице организаций для защиты других, то же Государство, чтобы помешать гражданам-индивидуалистам делать зло друг другу. Правда, что Тэккер признает за таким государством только право на охранение, но это право и эти отправления приводят к установлению государства с теми же правами, какими оно пользуется в настоящее время.

Действительно, если вглядеться внимательно в историю развития государства, видно, что оно создалось именно под предлогом защиты прав отдельной личности. Его законы, его чиновники, уполномоченные охранять интересы личности, его лестничное чино-подчинение, установленное, чтобы наблюдать за исполнением законов, его университеты, открытые для того, чтобы изучать источники законов, и, наконец, Церковь, долженствующая освятить идею закона, его разделение общества на классы для поддержания «порядка», его обязательная военная служба, созданные им монополии, наконец все его пороки, его тирания—все, все это вытекает из одного главного положения: кто-то, вне самой общины, вне самого мира, или союза, берет на себя охранение прав личности, на тот случай, если их начнет попирать другая личность, и понемногу этот охранитель становится владыкою, тираном.

* *
*

Эти беглые заметки об'ясняют, почему индивидуалистические системы анархизма, если они и находят сторонников среди буржуазной интеллигенции, не распространяются однако среди рабочих масс. Но это не мешает, конечно, признать большое значение критики, которой анархисты-индивидуалисты подвергают своих собратий

коммунистов: они предостерегают нас от увлечения центральною властью и чиновничеством, и заставляют нас постоянно обращать нашу мысль к свободной личности, как источнику всякого свободного общества. Наклонность впадать в старые ошибки чиноначалия и власти, как мы знаем, слишком распространена, даже среди передовых революционеров.

Таким образом, можно сказать, что в настоящее время учение анархистов-коммунистов более других решений завоевывает симпатии тех рабочих,— принадлежащих главным образом к латинской расе—которые задумываются о том, что предстоит им в революционных выступлениях в ближайшем будущем, и вместе с тем потеряли веру в «спасителей» и в благодеяния Государства.

Рабочее движение, дающее возможность сплачиваться боевым силам рабочих и удаляющее их от бесплодных политических партийных столкновений, а также позволяющее им измерить свои силы более верным способом, чем путем выборов—это движение сильно способствует развитию анархо-коммунистического учения.

Поэтому, можно без преувеличения надеяться, что, когда начнутся серьезные движения среди трудовых масс, в городах и селах, то несомненно будут сделаны попытки в анархо-коммунистическом направлении, и что эти попытки будут глубже и плодотворнее тех, которые были сделаны французским народом в 1793—1794 годах.

Книгоиздательство

«ГОЛОС ТРУДА».

Вышли в свет и поступили в продажу следующие издания:

М. Бакунин. Бог и Государство. 1 р. 25 к.
Ивто. Азбука Синдикализма. 50 к.
С. Фор. Преступление бога. 50 к. (Распродано).
Кропоткин. Политические права. 10 к.
» Новый Интернационал. 10 к.
» К Молодому поколению. 1 р.
» Анархия. 3 р. 50 к.
Ж. Грав. Будущее Общество.

Печатается и в скором времени поступит в продажу:

М. Бакунин. Собрание сочинений, том I.
Кропоткин. Современная наука и Анархизм.
Государство и его историческая роль и
Анархия, ее философия и идеал.
Элизе Реклю. Эволюция, Революция и анархический идеал.
Пелутье. История бирж труда.

С ЗАКАЗАМИ ОБРАЩАТЬСЯ:

ПЕТРОГРАД,
Просп. Володарского, 56.
(бывш. Литейный пр.).

МОСКВА,
Тверская 70.